

ЗНАЧЕНИЯ ФОРМ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XIX–XXI вв. В БЕСПРЕДЛОЖНЫХ ИМЕННЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ (на материале имен существительных *лев* и *лиса*)

Р. Альрхаль

Аннотация. Целью данной статьи является описание употребления и развития семантики форм родительного падежа имен существительных в приименных беспредложных сочетаниях в русском языке XIX–XXI вв. на материале слов для обозначения животных *лев* и *лиса*. В научной литературе отмечается, что беспредложные приименные сочетания с именами существительными в форме родительного падежа (в различных значениях) начинают преобладать над конструкциями с притяжательными прилагательными во второй половине XVIII в. Однако комплексный анализ отдельных лексем определенных семантических групп на материале Национального корпуса русского языка показывает, что частотность употребления конструкций с существительными в родительном падеже зависит от различных факторов (связь с библейской традицией, наличие соотносительных притяжательных прилагательных, многозначность слова, использование в том или ином жанре или типе текста). Новизна исследования состоит в том, что формы родительного падежа имен существительных, выбранных для анализа, системно описываются на материале текстов Национального корпуса русского языка различных жанров и стилей с привлечением к исследованию контекстов, которые ранее не описывались учеными. Такой подход к описанию материала позволил выявить особенности семантики и функционирования форм родительного падежа, связанные с их употреблением в том или ином типе текста. В исследовании использованы описательный, сравнительный, герменевтический, контекстуальный методы, применяется метод корпусного анализа.

Ключевые слова: русский язык XIX–XXI вв., родительный падеж, приименные словосочетания, лексема *лев*, лексема *лиса*, притяжательные имена прилагательные с суффиксом *-ий*, грамматическая семантика

Для цитирования: Альрхаль Р. Значения форм родительного падежа в русском языке XIX–XXI вв. в беспредложных именных словосочетаниях (на материале существительных *лев* и *лиса*) // Преподаватель XXI век. 2026. № 3. Часть 2. С. 301–310. DOI:10.31862/2073-9613-2026-3-301-310

© Альрхаль Р., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

MEANINGS OF THE GENITIVE FORMS IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE XIX–XXI CENTURIES IN NON-PREPOSITIONAL NOMINAL COMBINATIONS (Based on the Nouns *Lev* (Lion) And *Lisa* (Fox))

R. Alrkhal

Abstract. *The purpose of this article is to describe the use and development of semantics of the genitive forms of nouns in nominal non-prepositional combinations in the Russian language of the XIX–XXI centuries. The article is based on the forms of the genitive case of nouns used to refer to animals — lev and lisa. It is noted in the academic literature that non-prepositional nominal combinations with nouns in the form of the genitive case (in various meanings) began to prevail over constructions with possessive adjectives in the second half of the XVIII century. However, a comprehensive analysis of lexemes belonging to certain semantic groups based on the material of the National Corpus of the Russian language shows that the frequency of use of constructions with nouns in the genitive case depends on various factors (connection with the biblical tradition, the presence of relative possessive adjectives, the polysemy of the word, usage in a particular genre or type of text). The novelty of the study lies in the fact that the forms of the genitive case of the nouns selected for analysis are systematically described based on the texts of the National Corpus of the Russian Language of various genres and styles, involving contexts that have not previously been described by scholars. This approach to the description of the material made it possible to identify the features of the semantics and functioning of the genitive forms associated with their use in a particular type of text. Descriptive, comparative, hermeneutic, contextual methods are used in the study as well as the method of corpus analysis.*

Keywords: *Russian language of the XIX–XXI centuries, genitive case, nominal combinations, lexeme lev, lexeme lisa, possessive adjectives with the suffix -ij, grammatical semantics*

302

Cite as: Alrkhal R. Meanings of the Genitive Forms in the Russian language of the XIX–XXI Centuries in Non-Prepositional Nominal Combinations (Based on the Nouns *lev* (lion) and *lisa* (fox)). *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education. 2026, No. 3, part 2, pp. 301–310. DOI:10.31862/2073-9613-2026-3-301-310

Как указывают исследователи, исторически в беспредложных приименных сочетаниях вместо именных дополнений обычно используются однокоренные имена прилагательные (*не домъ Петра, а домъ петровъ*) [1, с. 374], т. е. наблюдается преобладание конструкций N + A (poss) над N + N (gen)¹. Конструкции с именными дополнениями признаются заимствованными в письменный период из византийских источников [2–4]. В древнерусских текстах формы родительного падежа могли встречаться только в сложных синтаксических конструкциях типа в дъвьри т[и е]с... земля Павылова (земля ее деверя Павла) [5, с. 158, 377]; в том случае, когда «наименование обладателя представляло собой одиночное существительное, родительный падеж принадлежности встречается исключительно редко» [5, с. 158].

¹ В схемах, которые приводятся в статье: N — существительное, N(gen) — существительное в родительном падеже, A(poss) — притяжательное/притяжательно-относительное прилагательное, см.: Урысон, 1980.

Вместе с тем начиная с XII в. в древнерусских текстах мы постепенно наблюдаем появление подобных конструкций, где у существительных можно отметить значения состояния, качества, объекта [6, с. 15], позднее — субъекта [2, с. 197–198]. В XVIII в. количество подобных конструкций в русском языке увеличивается. Это может быть обусловлено как влиянием западноевропейских переводных сочинений, так и библейских текстов и проповеднической литературы, что приводит к тому, что в приименных конструкциях имена существительные активно начинают встречаться в значении принадлежности, сравнения и совокупности, а также в субъектном и объектном значениях [7, с. 25–26] (см. также о влиянии западноевропейских сочинений на русский язык XVIII в.: 14, с. 407–410)). Вместе с тем анализ использования в приименных беспредложных конструкциях типа форм родительного падежа слов-названий животных, имеющих соотносительные древние притяжательные имена прилагательные с суффиксом *-ий* (*лев — левий, львий, волк — волчий, медведь — медвежий, лиса — лисий, пес — песий*), демонстрирует, что в XVIII в. количество конструкций типа *N + N(gen)* с подобными существительными достаточно невелико [8, с. 203]. Наиболее употребительными в текстах XVIII в. оказываются формы родительного падежа имени существительного *лев*, которые встречаются в сочетаниях типа *N + N(gen)* в атрибутивном, субъектном и в объектном значениях (в том числе в сочетании со значением принадлежности), в значении совокупности, неотчужденной принадлежности, что, по всей вероятности, унаследовано из церковнославянского библейского текста. «Использование слова *лев* в данных конструкциях можно объяснить влиянием библейской традиции, так как в Библии лев символизирует Иисуса Христа и Бога, который осуществляет свой суд, а также Божий народ, олицетворяет мужество, силу, царственность, мощь и свирепость» [8, с. 203]. Отметим, что древние притяжательные *левий* и *львий* к XVIII в. выходят из употребления и начинают заменяться именами прилагательными *левский, львов(ый), львин(ый)*, которые обычно встречаются в качественном и относительном значениях, реже — в притяжательном. С другой стороны, в текстах XVIII в. есть слова-названия животных, которые в конструкциях типа *N + N(gen)* в форме родительного падежа не встречаются. К таким словам относится, например, слово *лиса*.

Рассмотрим употребление форм родительного падежа слов-названий животных *лев* и *лиса* в текстах XIX–XXI вв. на материале Национального корпуса русского языка. Выявим, какие факторы определяют частотность употребления слов *лев* и *лиса* в анализируемых конструкциях в текстах исследуемого периода.

В конце XVIII — начале XIX в. мы встречаем слово *лев* в конструкциях, которые отсылают нас к библейским сюжетам: «Самсонъ, сильнѣйшій изъ челоуѣковъ, который возмогъ разтерзать *челюсти* страшнаго *льва*, врата градскія на рамена возложить и на гору пренести, домъ крѣпостию мышцей своихъ низпровергнуть и въ немъ ликовавшихъ супостатъ своихъ убить: но и самъ не избѣжалъ нанесенной имъ смерти. [Иван Голиков. Историческое изображение жизни и всѣхъ дѣлъ славнаго женеваца, Франца Яковлевича (Франциска Якова) Лефорта (1800)]» [9] — здесь мы наблюдаем использование формы родительного падежа в значении принадлежности в сложной синтаксической конструкции, при этом в описании герой сравнивается с библейским (ветхозаветным) богатырем Самсоном, образ которого неразрывно связан с образом побеждаемого им льва (см. скульптурное изображение Самсона «Самсон,

разрывающий пасть льва», символизирующего Швецию, в Петергофе). Ф. Лефорт очень много сделал для борьбы со шведами.

Для эпохи классицизма было характерно представление пороков, добродетелей, качеств и свойств через предметные образы, здесь использовались и библейские истории, и исторические сюжеты, и образы природного мира. Лев обычно воспринимался как царь животных, обладающий определенными свойствами (силой, мужеством, стойкостью, дерзостью), они также отмечаются у этого животного в античных библейских текстах. Отсюда и характерные для этого периода конструкции, где слово *лев* используется в качественном значении: «Хвостов соединял в душе своей две противности: кротость агнца и **пылкость льва**. [Г.И. Давыдов. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним (1808–1809)]» [9], «Жестокий для галичан, он был любим, по крайней мере отлично уважаем, в наследственном уделе владимирском, где народ славил в нем **ум мудрости, дерзость льва**, быстроту орлиную и ревность Мономахову в усмирении варваров... [Н.М. Карамзин. История государства Российского: Том 3 (1808–1818)]» [9].

Такие аллегории продолжали использоваться и во второй половине XIX в.: «Накопец, тут были Гарибальди, целиком взятый из Корнелия Непота, с простотой ребенка, с **отвагой льва**, и Феличе Орсини, чудная голова которого так недавно скатилась со ступеней эшафота. [А.И. Герцен. Былое и думы. Часть пятая. Париж – Италия – Париж (1862–1866)]» [9].

В первой половине XIX в. были популярны романтические рассказы, в которых действие происходило на Востоке, где водятся львы: «Прелестныя серебряныя звѣзды ясно свѣщались на черномъ Аравійскомъ небѣ; пустыня вторила звонкое **рыканіе льва** и сердитый ревъ тигра... [Ф.Н. Глинка. Непонятный союзъ (1826)]» [9] — здесь мы встречаем форму родительного падежа в значении субъекта.

Мода на рассказы об экзотических странах вновь возникла в первой половине XX в.: «Грузные засыпали гиппопотамы под тенью громадных папоротников, и в солнечных **долинах розы величиною с голову льва** проливали ароматы и пьянили сильнее самосских вин. [Н.С. Гумилев. Дочери Каина (1907)]» [9] — значение принадлежности.

В конце XX — начале XXI в. конструкции со словом *лев* в родительном падеже встречаются в жанре дневников и блогов туристов в африканские страны: «Однажды в горах по ночному склону за мной довольно долго шли два больших желтых глаза и чуть заметный **силуэт горного льва**, не приближаясь, но и не отставая, очень романтично и красиво. [kitya_karlson. Записи в Живом Журнале // 2013]» [9] — относительное значение.

Обращает на себя внимание, что активное использование слова *лев* в конструкциях типа N + N(gen) объясняется еще и тем, что слово *лев* является многозначным, сравн. в словаре Ушакова:

«1. Крупное хищное млекопитающее семейства кошачьих, желтоватой окраски, с пышной гривой у самцов. *Могучий лев, гроза лесов*. Крылов. *Бойцы дрались, как львы*. || Скульптурное изображение этого животного на столбах ворот, на подъездах, на лестницах, а также изображение его на гербах. *Балканы, львы на воротах*. Пушкин. *Британский лев*. (на государственном гербе Англии). 2. перен. Законодатель мод, правил светского поведения, покоритель женских сердец (устар., ирон.). *Провинциальный лев. Разыгрывать роль светского льва*» [13].

Так, указание на изображение львов мы встречаем в текстах начиная с 20–30-х гг. XIX в.:

«Кромѣ того, онъ такъ былъ свѣдущъ въ механикѣ и таинственныхъ силахъ природы, что однажды при торжественномъ *случаѣ* сдѣлалъ изъ *дерева фигуру льва*, который самъ собою двигался; въ другой разъ онъ составилъ изъ какого-то вещества небольшихъ птицъ, которыя сами собою взлетали на воздухъ. [Н. Рашков. Поучительная для художниковъ жизнь Леонарда да Винчи, главы Флорентинской школы // «Невский зритель». Ч. 1. Генварь, 1820]» [9] — относительное значение.

Такое же употребление характерно и для языка XXI в.:

«Хотя можно было бы и топазами, если у заказчика есть финансовые ограничения, вышло бы дешевле. <...> Опять же, если глаза змеи можно было обозначить мелкими *изумрудами*, то *глаза льва* вполне могли бы оказаться рубиновыми, но... мелкие бриллианты смотрелись лучше, хотя и были дороже. И самое главное: крупный красный *камень в пасти льва* и крупный бриллиант в пасти змеи. [Александра Маринина. Последний рассвет (2013)]» [9].

Изображения животных (реальных и фантастических) активно используются в геральдике. Обычно на гербах помещались такие животные, как медведь, волк, орел, олень, однако одним из самых распространенных в различных традициях и культурах был, конечно, лев:

«Конечно, ни один основательный ориенталист не поверит их нелепому толкованию, будто бы он носил на шлеме *изображения волка* (по-персидски *гюрг*) и *льва* (по-турецки *аслан*)... [О.И. Сенковский. Некоторые сомнения касательно истории грузинов (1838)]» [9] — относительное значение.

«А еще в “Доме с головами” сохранились чудесные наивные росписи и боскетный сад с розарием, разбитым вокруг старинной геральдической *фигурки льва*. [Анастасия Смирнова, Мария Бейкер, Ольга Гринкруг. Амстердам (2014)]» [9] — относительное значение.

В Великобритании символом королевской династии лев становится с XII в. — с эпохи короля Генриха I, а затем короля Ричарда Львиное Сердце, на гербе которого изображались три золотых льва на красном фоне. С XVII в. начинает изображаться коронованный лев. Он и становится в дальнейшем символом Великобритании как аллегория силы, мужества и доминирования Британии в мире. Часто этот образ используется в политической карикатуре и политическом дискурсе:

«Ближний Восток вырывается из когтей германского орла, подобно тому, как Индия вырывается из *лап* британского *льва*. [В.М. Шулятиков. Международное положение // Рабочее знамя, 1908]» [9] — значение принадлежности.

Указание на светского льва — законодателя мод и покорителя сердец — находим в русских текстах начиная с 40-х гг. XIX в., отдельные примеры мы находим и в текстах начала XX в.:

«*Торжество льва* на вечере, на котором не танцуют. [Ф.В. Булгарин. Лев и шакал (1843)]» — значение субъекта.

«В *лице* губернского *льва* ясно обозначилась досада. [А.Ф. Писемский. Тюфяк (1850)]» [9] — значение принадлежности.

«*Самолюбие* некогда блестящего *льва*, возбуждавшего всеобщую зависть, не могло в нем уgomониться, а внутренняя пустота отнимала всякую возможность обратиться к чему-нибудь другому, более приличному его летам и положению. [Н.А. Некрасов, А.Я. Панаева. Мертвое озеро (Часть вторая) (1851)]» [9] — качественное значение.

«Говорили также много о том, какие сильные средства пускались в ход, чтобы заглушить это вопиющее дело и скрыть прямое **участие** в **погроме** кишиневского светского **льва**. [В.Г. Короленко. Дом № 13 (1903)]» [9] — объектное значение.

Образ светского льва впервые возникает в европейской культуре, где со львом обычно сравнивали отчаянных храбрецов, мужчин, имеющих успех в обществе, в том числе и у женщин.

Также слово *лев* используется как название зодиакального созвездия, такое употребление встречается еще в 1822 г. (вероятно, под влиянием французского языка) в относительном значении:

«Вънчалась классами Церерина глава,

И солнце въ небесахъ горѣло въ знакѣ льва. [И.С. Рижский. Опыт риторики (1822)]» [9].

Далее рассмотрим употребление родительного падежа слова *лиса* — *лисы* в конструкциях типа N + N(gen) в текстах XIX–XXI вв.

Как уже говорилось, в текстах XVIII в., как в целом и древнерусском языке, таких примеров отмечено не было. Связано это в том числе с тем, что в библейской традиции образ лисы встречается не так часто (часто в Ветхом Завете под лисицей имеется в виду обитавший в Палестине шакал). Вместе с тем в античности в образном употреблении лиса символизировала хитрость, обман и коварство. В христианской традиции дьявол мог называться «пестрозлобным лисом». При этом появление конструкций типа N + N(gen): *лисы* в текстах XIX в. и более поздних произведениях связано преимущественно с употреблением рассматриваемых форм в текстах охотничьих рассказов, дневников, писем и воспоминаний. Так, в воспоминаниях П.В. Анненкова описываются особенности речи адвокатов, которые сравниваются с **извилинами лисы**, т. е. тем, что она петляет при уходе от преследования собак на охоте:

«Далее, старый отставной huissier, которому понравился я, сказав, что Ватерлооская битва, по моему суждению, была выиграна Наполеоном, водит меня в réservées судов, всякий раз, как есть занимательный процесс и предстоит надежда слышать Шед’Эт-Анжа, Палье, Марье, знаменитых адвокатов, весьма разного таланта, но имеющих ту общую черту, что речи их походят на **извилины** преследуемой стаей псов **лисы**, и при всяком ораторском порыве их можно лукаво произнести: «Вишь, куда метнул, какого тумана напустил!» [П.В. Анненков. Письма из-за границы (1841–1843)]» [9] — относительное значение.

Активно используется форма родительного падежа (*лисы*) в охотничьих рассказах С.Т. Аксакова в середине XIX в.: «Я уже говорил в моих “Записках ружейного охотника”, что <...> ночью слышен не только тихий **ход лисы** или прыжки зайца, но даже шелест самых маленьких зверьков. [С.Т. Аксаков. Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах (1855)]» [9] — относительное значение. «Лиса редко вырывает нору сама в таких местах, где есть норы сурочьи или барсучьи; собственная **нора лисы** всегда очень неглубока, коротка и довольно широка... [С.Т. Аксаков. Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах (1855)]» [9] — значение не только принадлежности, но и «качественных характеристик с учетом пространственной корреляции» [10, с. 12], определительное – «значение признака... через отношение к предмету», обнаруживаемое посредством «связи с именем прилагательным» [11, с. 247] (сравн.: **нора лисы** – **лисыя нора** = «неглубокая, короткая и довольная широкая»).

В данных случаях используется форма родительного падежа имени существительного *лисы*, возможно, потому что перед именем существительным представлено еще одно имя прилагательное.

В сочетаниях сложной синтаксической структуры встречается форма *лисы* и в следующих предложениях: «И, в чувстве этого удовольствия, он ласкал и теребил пушистый хвост доморослой заполненной *лисы*, которая сжилась с своим хозяином, как домашняя кошка. [Н.С. Кохановская. Из провинциальной галереи портретов // «Русский вестник», 1859, № 3, 1859]» [9] — значение принадлежности. «И хотя порой звучат в ней слезы – это *лисы* слезы, слезы старой, умудренной жизнью *лисы*... [М. Горький. Письма (1889–1906)]» [9] — здесь мы видим употребление притяжательного прилагательного, а далее — в сочетаниях сложной синтаксической структуры — имени существительного.

Приведем еще некоторые примеры, которые показывают, что использование словоформы *лисы* часто обусловлено жанром произведения — охотничьи рассказы и дневники: «Кроме того, на езде по волкам доезжачий не обязан быть “на хвосте у стаи», как при гоньбе *лисы* или зайца – по той причине, что в большинстве случаев стая разбивается на несколько частей и ведет сразу несколько волков по разным направлениям. [Л.П. Сабанеев. Охотничий календарь (1885)]» [9] — значение субъекта. «Когда волк “машется”, т. е. скачет, то отпечаток задней ноги ложится пальца на три от соответствующей передней. След (нарыск) *лисы*. *Лисий* нарыск похож на след небольшой собаки, но разница также – в сжатости лапы и правильности поступи. [Л.П. Сабанеев. Охотничий календарь (1885)]» [9] — относительное значение. «А вот на снегу – тетеревиных крыл след, а по нему четкий след *лисы*: *лиса* шла за тетеревом, так рассказывает снег... Просто». [Л.М. Леонов. Барсуки (1924)]» [9] — относительное значение. «Впрочем, три следа *лисы* видал, но уже довольно старые, припорошенные. [Н.Н. Козаков. Дневник (1962)]» [9]; «Редкие следы зайца-беляка, и встретили свежий след *лисы*. [В.И. Токарев. Из дневника натуралиста (1979)]» [9].

В XX в. словоформа *лисы* начинает встречаться в текстах круга детского чтения, в том числе рассказов о природе, научно-популярной литературе, баснях и сказках: «Вся эта речь улеглась на морде *лисы* в одном-единственном выражении, но *лисиц* я научилась хорошо понимать: у них было очень много общего с собаками. [А.Л. Яценко. Хруп Узбоевич. Воспоминания крысы-натуралиста (1903)]» [9]; «На его костюме – даже следы запекшейся старой крови; за его поясом даже свежееободранная шкурка *лисы*... [К.Д. Носилов. Дедушка вогул и его внуки // «Детское чтение», 1901]» [9]; «Гильом: Надеюсь, молодой *лисенок* еще не успел перенять все уловки старой *лисы*. [Т.Г. Габбе. Город мастеров, или Сказка о двух горбунах (1943)]» [9]. «Нередко среди кустарников мелькала нарядная рыжая шуба *лисы*, иногда попадались дикие олени. [Долина гейзеров // «Наука и жизнь», 1951]» [9]; «Крыло птицы волочилось по земле – так остаются подранки от горе-охотников, живут до зимы, а потом либо становятся добычей *лисы*, либо все равно погибают, если ухитрятся уцелеть до больших морозов. [Гавриил Троепольский. Белый Бим Черное Ухо (1971)]» [9]; «Рядом по берегу следы песка или *лисы*. [Александр Галанин. Экспедиция в бассейн реки Ныгчеквеем (Чукотский АО, Северная Корякия). Полевой дневник (1996), 2008]» [9].

Отметим, что притяжательное имя прилагательное *лисий* в современном языке XX–XXI вв. не утратилось и продолжает употребляться в относительном

и качественном («изменяемом» и «измеряемом») значении [12, с. 5], а также в составе топонимов: «Перестарался, схитрив и обманув, или заранее обеспечил себе дорогу к рогам, прикинув **лисѣм** умишком, что конунг теряет опору в дружине и в Новгороде? [Борис Васильев. Вещий Олег (1996)]» [9]; «Они жили тогда в **Лисѣм** Носу, мать приходила с работы поздно, брат учился в десятом классе, сестра жила в городе и училась в институте. [Д. Н. Каралис. Автопортрет (1999)]» [9].

Таким образом, изучение употребления имен существительных для обозначения животных (*лев* и *лиса*) в конструкциях типа N + N(gen) показывает, во-первых, что на активность использования конструкций в текстах может оказывать влияние полисемичный характер слова: активность употребления исследуемых конструкций увеличивается, если одно из значений будет указывать на лицо (и тогда это слово будет чаще встречаться в значении субъекта, принадлежности) — на примере изучения словоформы *лев*; также мы видим, что частотность употребления формы родительного падежа увеличивается, так как древнее притяжательное имя прилагательное *левиѣ*, *львиѣ* (в отличие от *лисий*) выходит из употребления. Во-вторых, мы можем пронаблюдать, как соотносится использование исследуемых конструкций N + N(gen) и тип/жанр текста, на примере изучения словоформы *лиса*.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мейе А. Общеславянский язык. М.: Прогресс, 2001. 492 с.
2. Шатерникова Л.Н. Из истории синтаксической роли относительного прилагательного // Ученые записки Вологодского педагогического института. Вологда, 1940. Вып. 1. С. 176–205.
3. Виднес М. О некоторых изменениях в позиции выражения принадлежности в русском языке XVIII–XIX вв. // Вопросы языкознания. 1958. № 5. С. 99–101.
4. Урысон Е.В. Относительные прилагательные в парадигме древнерусского имени (на материале Успенского сборника XII–XIII вв.) // Древнерусский язык: лексикология и лексикография. М., 1980. С. 110–132.
5. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
6. Макарова С.Я. Родительный падеж принадлежности в русском языке XI–XVII вв. // Труды Института языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 3. 262 с.
7. Альхаль Р., Григорьев А.В. Типы отношений в беспредложных приименных словосочетаниях в русском языке XVIII в. (на материале сочетаний с зависимым существительным в родительном падеже и притяжательным прилагательным с суффиксом *-ий*) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. С. 15–28.
8. Альхаль Р., Григорьев А.В. Семантика форм родительного падежа в беспредложных именных словосочетаниях в русских текстах XVIII в. (на материале существительных для обозначения животных) // Современная наука. Серия «Гуманитарные науки». № 10(2). М., 2025. С. 201–203.
9. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.06.2026).
10. Колесникова С.М. Градуальный фрагмент языковой картины мира: учеб. пособие. М.: Московск. пед ун-т, 1999. 101 с.

11. Колесникова С.М. Современный русский язык: учебник / под ред. С.М. Колесниковой. 2-е изд., испр., М.: Флинта, 2016. 559 с.
12. Колесникова С.М. Градуальность в системе русского языка: монография. М.: Флинта, 2018. С. 5
13. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Сов. энцикл.; ОГИЗ, 1935–1940.
14. Григорьев А.В. Влияние западноевропейских языков на систему библейских выражений в русском языке XVIII–XIX вв. // Русистика. 2025. Т. 23. № 3. С. 399–415.

REFERENCES

1. Meie A. *Obshcheslavyanskii yazyk* [Common Slavic language], Moscow, Progress Publ., 2001, 492 p. (in Russ.)
2. Shaternikova L.N. *Iz istorii sintaksicheskoi roli otnositelnogo prilagatel'nogo* [From the History of the Syntactic Role of the Relative Adjective], Vologda, *Uchenye zapiski Vologodskogo pedagogicheskogo instituta* = Scientific Notes of the Vologda Pedagogical Institute, 1940, No 1, pp. 176–205. (in Russ.)
3. Vidnes M. *O nekotorykh izmeneniyakh v pozitsii vyrazheniya prinadlezhnosti v russkom yazyke XVIII–XIX vv.* [On Some Changes in the Position of the Expression of Belonging in the Russian Language of the XVIII–XIX Centuries. *Voprosy yazykoznaniya* = Issues in Linguistics, 1958, No 5, pp. 99–101. (in Russ.)
4. Uryson E.V. *Otnositelnye prilagatelnye v paradigme drevnerusskogo imeni (na materiale Uspenskogo sbornika XII–XIII vv.)* [Relative Adjectives in the Paradigm of the Old Russian Name (Based on the Material of the Assumption Collection of the XII–XIII Centuries)], *Drevnerusskii yazyk: leksikologiya i leksikografiya*, Moscow, 1980, pp. 110–132. (in Russ.)
5. Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskii dialect* [The Ancient Novgorod dialect], Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury Publ., 2004, 872 p. (in Russ.)
6. Makarova S.Ya. *Roditelnyi padezh prinadlezhnosti v russkom yazyke XI–XVII vv.* [The Genitive Case of Belonging in the Russian Language of the XI–XVII Centuries], *Trudy Instituta yazykoznaniya* = Proceedings of the Institute of Linguistics, Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1954, No 3262 p. (in Russ.)
7. Alrkhal R., Grigorjev A.V. *Tipy otnoshenii v bespredlozhnykh priimennykh slovosochetaniyakh v russkom yazyke XVIII v. (na materiale sochetanii s zavisimym sushchestvitel'nykh v roditel'nom padezhe i prityazhatel'nykh prilagatel'nykh s suffiksom -ii)* [Types of Relations in Adnominal Non-Prepositional Phrases in the Russian Language of the 18th Century (Based on Phrases with a Dependent Noun in the Genitive Case and a Possessive Adjective with the Suffix -ij)], *Vestnik RGGU. Seriya Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya* = Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series Literary Studies. Linguistics. Cultural studies, 2025, pp. 15–28. (in Russ.)
8. Alrkhal R., Grigorjev A.V. *Semantika form roditelnogo padezha v bespredlozhnykh imennykh slovosochetaniyakh v russkikh tekstakh XVIII v. (na materiale sushchestvitel'nykh dlya oboznacheniya zhivotnykh)* [Semantics of Genitive Case Forms in Prepositional Noun Phrases in Russian Texts of the XVIII Century (Based on the Material of Nouns for Denoting Animals)], *Sovremennaya nauka. Seriya Gumanitarnye nauki* = Modern science. Humanitarian Sciences Series, Moscow, 2025, No 10(2), pp. 201–203. (in Russ.)

9. *Natsionalnyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus], URL: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 10.06.2026).
10. Kolesnikova S.M. *Gradualnyj fragment yazykovoj kartiny mira: uchebnoe posobie* [Exploring Gradual Aspects of the Linguistic Worldview], Moscow, Moscow Ped. In-te Publ., 1999, 101 p. (in Russ.)
11. Kolesnikova S.M. *Sovremennij russkij yazyk: uchebnik* [The Modern Russian Language], S.M. Kolesnikova (ed.), Moscow, Flinta Publ., 2nd izd., ispr., 2016, 559 p. (in Russ.)
12. Kolesnikova S.M. *Gradualnost v sisteme russkogo yazyka: monografiya* [Graduality in the Russian Language System], Moscow, Flinta Publ., 2018, pp. 5. (in Russ.)
13. *Tolkovyj slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language], in 4 volumes. Moscow, Sov. encycl. Publ., OGIZ Publ., 1935–1940. (in Russ.)
14. Grigorev A.V. *The influence of Western European languages on the system of Biblical expressions in the Russian language of the XVIII–XIX centuries*, *Russian Studies*, 2025, vol. 23, No 3, pp. 399–415. (in Russ.)

Альрхаль Рита, старший преподаватель кафедры общего языкознания имени И.Г. Добродомова, аспирант, Московский педагогический государственный университет, ritarhal@yandex.ru

Rita Alrkhal, Senior Lecturer, General Linguistics Department named after I.G. Dobrodomov, PhD Postgraduate Student, Moscow Pedagogical State University, ritarhal@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.06.2026. Принята к публикации 30.07.2026

The paper was submitted 20.06.2026. Accepted for publication 30.07.2026